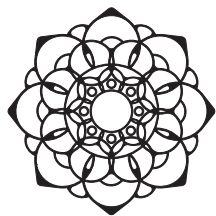

Аман Дж. Беди

КАВИТРИ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Б38

Aman J. Bedi
KAVITHRI: OUTCAST. UNDERDOG. SURVIVOR

Copyright © Aman J. Bedi 2024

Дизайн *Е. Куликовой*

Перевод *Е. Трубецкой*

Иллюстрация на обложке *В. Аникина*

Беди, Аман Дж.
Б38 Кавитри / Аман Дж. Беди ; [перевод с английского
Е. Трубецкой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Век
магии. Главные новинки зарубежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-222953-4

После войны и полного разгрома народ тэму, чьи воины-берсерки не знали себе равных, стал изгоем. Кави — тэму. Она работает носильщиком на вокзале и каждый год пробует пройти испытания у джиннов, чтобы стать магом. Ей не нужны слава и власть. Цель Кави — древний артефакт Ловец, который поможет ей найти потерянную семью. Ее не сломили тяжелейшие условия жизни и постоянные унижения, и наконец ей повезло найти друга и наставника. Однако расслабляться нельзя, ведь этот мир понимает только язык силы.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-222953-4

© Е. Трубецкая, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть первая

Глава 1

Последний сегодняшний поезд опаздывал.

Форменная темно-красная льняная рубашка, истрепанная и выцветшая, липла к телу, и Кави оттягивала воротник, чтобы подуть на разгоряченную кожу.

Вместе с другими носильщиками она спасалась от зноя в тени огромного старого баньяна с косматыми висячими корнями. Здесь разило потом, табаком, невымытыми волосами и зловонным дыханием. Эта убийственная смесь заставляла всех прочих обходить дерево стороной.

Вот и идите мимо, подумала Кави, сморщив нос. Настроение было под стать мерзкому смраду. Под вечер носильщики совсем вымотались и готовы были сорваться по любому поводу. Мало того, в перерыве явился смотритель Муту, самый главный на станции. Вразвалочку пошел мимо них, протянув ладонь и щелкая пальцами. Гоните, мол, монету.

Кави заворчала под нос, скрипнула зубами. И отдала ежемесячную «пошлину» за работу на этой платформе. Весь ее сегодняшний заработок, до последнего райяля, перекачивал в оттопыренный карман смотрителя.

Теперь Кави мрачно поглядывала на него, стоящего на противоположной платформе на небольшом помосте. Он пристально глядел куда-то в подозрную трубу. Его белый

лунги¹ ниспадал ниже колен, а на талии был свернут в плотный жгут. Лоб пересекала широкая полоса пепла, знак скорби: лихач на паровой рикше переехал его кота.

В стороне, подальше от носильщиков, под ржавым навесом собрались пассажиры. Они тоже истекали потом и томились ожиданием. А вот торговцы-лоточники ничуть не страдали от зноя, подсчитывая дневную выручку. Нищие устало улеглись навзничь, обмахиваясь листами газет, но краем глаза следя за зрителем Муту.

На платформе как будто случилась кровавая резня: тут и там краснели кляксы бетелевой жвачки². Повсюду стояли специальные медные плевательницы, но в них почему-то редко попадали.

Такое повторялось каждый год. Здесь, в Бохане, было единственное на юге отделение магической академии. И в день испытаний все жители окрестных городов и деревень, кому исполнилось шестнадцать — либо кто не успел попробовать свои силы раньше, — устремлялись сюда с мечтами о лучшей жизни. Каждый хотел узнать, может ли стать магом. Даруют ли Джинны ему, одному из десяти тысяч, свою благосклонность.

¹ Л у н г и — мужская несшитая одежда у народов Индии. Представляет собой полосу плотной домотканой или фабричной хлопчатобумажной ткани размером ок. 2 × 1 м, обернутой вокруг бедер. Концы лунги завязываются узлом спереди или накладываются внахлест справа налево, после чего лунги подворачиваются на талии в плотный жгут.

² В Индии и странах Юго-Восточной Азии листья бетеля традиционно используются как тонизирующее средство. Их жуют вместе с гашеной известью и кусочками семян пальмы катеху. Семена пальмы катеху содержат алкалоид ареколин, который стимулирует слюноотделение (слюна окрашивается в красный цвет) и сам является возбуждающим средством. В таком виде бетелевая жвачка употребляется уже много столетий, возможно — тысячелетий.

Сегодня опаздывали все поезда. Каждый был битком набит. И каждый год в этот день Кави без сил брела домой, хромая, с надорванными мышцами. Умыться, поесть — и назад, в город, чтобы встать в длинную извилистую очередь перед входом в административное управление Вэйголы (или просто «Управление», как здесь говорили). И в который раз испытать удачу.

Кави, сидя на корточках, чуть сдвинулась в сторону — рядом пристроился парень из племени гашани. Он только недавно спустился с гор, и справа ото рта темнела свежая татуировка: один клык. Знак того, что он не сумел пройти обряд посвящения. Он и его соплеменники стояли в обществе лишь на ступень выше тэму — потому что ниже попросту некуда, и Кави невольно его жалела. Муту назначил беднягу уборщиком, и теперь несчастный с позеленевшим лицом и пустыми глазами тарашился на зрителя, как в трансе.

Кави знала, что довело его до такого состояния — вокзальные туалеты. В первый месяц работы ей приходилось не легче. Даже труднее, припомнила она, отгоняя от лица муху. Ее попросту не хотели брать. А когда все-таки взяли, то вечно шпыняли, ругали и лупили метлой за малейшую оплошность. Лишь через несколько недель ее вообще допустили к багажу пассажиров.

Зритель Муту вдруг насторожился. Сложил и опустил свою трубу, засунул под мышку. Чуть согнул колени, подпернул лунги и плавным движением ударил в бронзовый колокол над головой.

Бомм, — гулко разнеслось над платформами, и началась ужасная суматоха.

Кави стремительно сдернула повязанный вокруг талии кусок ткани, обмотала тюрбаном вокруг головы. Затянула потуже, похлопала, проверяя жесткость, но осталась сидеть на корточках, хотя остальные носильщики уже вскочили на ноги. Ее взя-

ли на работу с одним жестким условием: ты, тэму, подходишь к пассажирам последней.

Она учуяла поезд еще до того, как увидела. Сперва резко потянуло дымом, потом донеслось тяжелое пыхтение. Оно все нарастало, и вот по ушам ударил оглушительный рев — показался локомотив, длинная цилиндрическая машина. Он бешено вращался, в его недрах оранжево мерцал мааин. Локомотив пролетел мимо, и за ним, догоняя собственные тени, помчались темно-красные вагоны.

Поезд не успел толком остановиться и еще шипел, а пассажиры уже повалили из дверей на платформу.

Носильщики рванулись к ним. Торговцы поспешили следом, нищие потянули вперед костлявые руки, жестами изображая еду и показывая на пустые животы.

Но пассажиры не обращали внимания. А носильщики, подхватив багаж, грубо отпихивали нищих, показушно оберегая имущество клиентов.

Кави ждала, теребя воротник рубашки. Еще немного, и придет ее очередь!

Женщина в ярко-зеленом сари выпорхнула из вагона первого класса. Уперла руки в бока и повела взглядом по платформе, выбирая подходящего носильщика.

Кави облизнулась. Идеальный клиент! Одинокая, богатая пассажирка, путешествует налегке, но слишком изнежена, чтобы нести багаж самой. Живо представилось: вот она сажает богачку в рикшу, ссыпает в карман честно заработанные деньги, топают домой, в трущобы, где ее ждет лучший друг Хайбо. Он помогает ей с «камуфляжем», и вот она уже спешит в Управление — сперва, конечно, заглянув в «Экстра-класс Доса „У Мерфи“».

Сердце уже заколотилось в предвкушении.

Вот только... *только...*

Паренек гашани все так же сидел на корточках рядом с ней. Она обернулась, цокнула языком.

— Эй, чего ждешь?

Он вздрогнул, нервно глянул на нее и тут же отвел глаза.

— Мне велели идти последним.

Кави удивленно вскинула брови. Неужели она поднялась на одну ступеньку по здешней служебной лестнице?

— Хватит сидеть, — она хлопнула его по плечу, — вперед. Хорошо заработаешь!

Он слотнул. Поерзал на месте, не решаясь подняться.

— Но мне велели...

— Да ладно, иди! — Кави легонько подтолкнула его.

Гашани встал на ноги, нервно обтер ладони о штаны. Снова опасливо покосился, но все же дернул головой в благодарность.

Кави кивнула в ответ и снова стала наблюдать за вагоном первого класса. Вот вышел какой-то политикан, его тут же окружила толпа сторонников. Они навешали на него жасминовых гирлянд по самые уши и с почтением повели через расступающуюся толпу. Кави хмуро глядела, как его блестящая лысина постепенно удаляется. Сколько раз она слушала, как эти чутии¹ разглагольствуют на ярмарках, выступают на предвыборных митингах! Когда-то Раайя была одним из вольных городов-государств, пышных и величественных, а стала всего лишь колонией Крельской Империи. И была ею почти шесть веков, а потом, полтораста лет назад, обрела наконец независимость и оказалась в руках этих гадких, корыстных...

Aga!

¹ Слово «Чутия» используется по всей Индии носителями многих языков, включая хинди, урау и телугу, как слегка оскорбительный жаргонный термин, обозначающий «идиот».

На выходе из того же вагона первого класса стоял высокий мужчина, шурясь сквозь очки в золотой оправе. Однозначно, сахиб — и держится надменно, и одет богато: узкие брюки, дорогая рубашка, модный галстук, идеально уложенные и напомаженные волосы.

Кави покрутила головой, удостоверилась, что никто к нему не спешит, и только тогда поднялась на ноги. Не сводя с пассажира глаз, протолкалась сквозь толпу и вышла прямо перед ним. Вскинула руку в традиционном приветствии — тыльной стороной ладони ко лбу.

— Сахиб! Багаж?

Мужчина обернулся. Повел взглядом по платформе, явно высматривая другого свободного носильщика, потом сморщил нос, прикрыл тонким вышитым платком.

Кави тоже от него покоробило, но она не подала виду.

— Сахиб?

— Купе 12А, — страдальчески вздохнул он.

— Благодарю, сахиб!

В купе 12А оказалось целых три тяжелых чемодана.

Застонав от досады, Кави пнула один по твердому краю. Ну почему вечно так не везет? На что ему сдались аж три чемодана? Она стояла, хмуро глядя на пол. На багаж. На сиденья и столик. На широкое прозрачное окно.

А там, на платформе, толпились пассажиры. Семейные сбивались в кучки, громко окликая детей, чтобы не отходили далеко. Парочки устало улыбались, склонялись друг к другу прошептать что-то на ухо. Касались плечами, старались подольше задержать в ладони задевшие ее пальцы. Взгляд Кави потеплел. Чуть подальше маленькая девочка осторожно вела через толпу свою старую бабушку. Какой-то мужчина подтрунивал над сердитой женой. Компания друзей ве-

село шутила и энергично махала продавцу рисовых лепешек идли.

Кави упрямо сжала губы, опустила взгляд. Тяжело, прерывисто вздохнула.

Все хорошо. Я в порядке.

Шум вокзала отдалился, перешел в глухое гудение, в шорох сухих листьев. Этот шорох вплывал в уши вместе с добрым смехом ее отца и всхлипами маленького братика Хагана. Она прижимала его к груди, завернутого в простыню. Второй брат, Камит, почти пяти лет от роду, прыгал вокруг, без конца повторяя: «акка, акка, ты слышишь?»

Она по очереди подняла каждый чемодан, прикидывая вес. Руки дрожали.

Всегда слышу, Камит.

Она их обязательно найдет. Они живы, они остались где-то там, и она их отыщет. Пройдет испытания, станет магом и найдет их с помощью Ловца.

Кави надула щеки от натуги, по одному вынося чемоданы на платформу, где сахиб ждал, по-прежнему не отнимая от лица кружевного платочка. Поставив последний, потянулась до хруста в спине, потом наклонилась, водрузила один чемодан на голову, другой взяла в левую руку, а третий, самый легкий — в правую. Так можно было заодно поддерживать тот, что на голове.

Крепко стиснула зубы: плечи ныли, ноги гудели, а натруженная под вечер шея затекла и немилосердно болела. Сахиб шел следом, и ему было все равно. Он не глядел на нищих и жестом отгонял торговцев. Хотя один, самый наглый, таки подскочил и выкрикнул прямо ему в лицо:

— Сахиб, попробуйте самосу! Для вас совершенно бесплатно!

Вот паскуда, мне бы хоть раз предложил, мрачно подумала Кави. Свирепо зыркнула на торговца, крикнула и поправила чеподан на голове.

Шаг, еще шаг, и еще. Превозмогая боль, она вела сахиба дальше. Платформа буквально кипела от всеобщего возбуждения. Со всех сторон несло одно и то же: испытания! Экзамены! Щедрая стипендия, права на землю! Какой авторитет, какой престиж! Все двери будут открыты!

— Жаль, нельзя самому выбрать. Я хочу учиться на боевого мага! — заявил матери какой-то пухлый мальчишка, и та одобрительно погладила его по голове.

— А если Джинн выберет меня, — капризно мяукнула девчонка с двумя хвостиками, — то после учебы я буду преподавать в Вэйголе!

С тех пор как Кави исполнилось шестнадцать, она пыталась уже пять раз. В самый первый ее остановили на входе и спросили, что ей нужно. «*Пройти испытания, сир-джи*», — ответила она. Хавальдары, стоявшие в охране, дружно кивнули, переглянулись и избили ее так, что не осталось живого места.

Во второй раз Кави дождалась темноты и взобралась по стене. И обнаружила, что поверх нее насыпали битое цветное стекло. Вниз она свалилась с громким и болезненным «Ой-ей!».

В третий раз она нарвалась на хавальдара Бхагу, которого только что перевели в Бохан из Азраайи. И с этого момента все стало гораздо, гораздо хуже.

Нет, никакой закон не запрещал Кави пройти испытания. Раайя считалась светским государством, свободной республикой, где все граждане равны в правах. Но были и негласные правила жизни, слишком глубоко засевшие в людском сознании. Они поколениями передавались от родителей к детям, из уст в уста. Никто их никогда не записывал, все и так знали: тэму

ни в коем случае нельзя допускать до вступительных испытаний в Вэйголу. Довольно мы от них натерпелись.

Кави рывкнула на стайку мальчишек, чтоб убрались с дороги, и подошла наконец к арке с большим желтым указателем. Надпись на нем гласила:

Добро пожаловать в Бохан!

Лучшие развлечения!

Лучшие пляжи!

Лучшие доса!

Внизу какой-то остряк совсем недавно намалевал:

Твоя мамаша тоже первый сорт.

За пределами вокзала на дороге царил полный хаос. Рикши, велорикши, телеги и конные повозки — все теснили друг друга, стремясь подъехать поближе к платформе. И сигналили так отчаянно, будто сам Раэт унесет их в преисподнюю, стоит хоть на миг умолкнуть.

Пар от двигателей смешивался с густым, резким запахом плавящегося на солнце асфальта.

Горло мгновенно сдавило, едва Кави открыла рот.

— Рикшу, сахиб? Или повозку?

Сахиб указал на паровую рикшу, похожую на гигантского ежа. Водитель, расположившись на заднем сиденье, читал газету. Заметив, что Кави ковыляет с чемоданами в его сторону, он нехотя освободил место пассажиру.

Погрузив багаж, Кави повернулась к клиенту, снова козырнула.

— Сахиб?

Он скользнул по ней взглядом, недовольно свел брови.

— Сахиб, — повторила она, протягивая ладонь.

— Ах, да, — кивнул он, сунул руку в карман, достал райяль и кинул ей.

Кави моргнула, не желая верить глазам.

— Сахиб? Всего райяль?

— А разве я должен больше? — бросил он.

— Но сахиб...

Эта работа стоила, по меньшей мере, шесть райялей.

— Пожалуйста...

Клиент нахмурился еще больше.

— Прочь, иначе и это отберу, — процедил он, демонстративно протягивая руку.

Кави зажала монетку в кулаке. Глянула ему в лицо, в холодные жестокие глаза. Такие безразличные, такие... мертвые.

И то, что сдавливало ей грудь, тот огонь, что всегда, всю жизнь тлел внутри, рванулся вверх. Выше и выше, помчался по венам, опалил гортань, запульсировал в пальцах, в висках. Отозвался в ушах глухим шепотом: давай же, это так просто. *Протяни руку, возьми его за горло и стисни. Почувствуй, как пальцы впиваются в плоть и сминают ее, как хрустят кости. Услышь его последний...*

Кави с шипением втянула воздух сквозь зубы. Отвела взгляд, согнулась в поклоне. Заглушила берсерка, сидевшего там, в глубине.

— Я... благодарю, сахиб, — пересохшими губами пролепетала она, медленно пятясь. Глаза слезились, она вытирала их тыльной стороной ладони, пока не перестало течь. Что же теперь делать? Вернуться на платформу, поискать другого клиента?

Она с силой сжала ладонь, монетка больно впилась в кожу. Нет, уже некогда. Хайбо ждет. А ей еще надо подготовиться.

Глава 2

— Зофан-джи, вы не видели Хайбо?

Седой старик, негласный правитель трущоб, сидел на пороге своего домика. Опустив на колени руку с мундштуком кальяна, он глядел, как солнце садится, золотя соломенные крыши хижин и коричневатые палатки. Снова глубоко затанулся и перевел взгляд на Кави.

Мимо хижины Зофана устало ковыляли мужчины, женщины и дети — голодные, измученные. Но каждый из них поднимал голову и улыбался старику, а тот отвечал на приветствия благосклонным кивком.

Кави с силой зажмурилась, поскребла голову — она чесалась под только что надетым, страшно неудобным париком. Глаза болели от темной пудры, которую она нанесла вокруг них, чесались от длинных накладных ресниц, приклеенных на веки. Хайбо сказал, это должно сработать, а она ему доверяла.

— Кавитри? Это ты?

Даже Зофан, и тот ее не узнал. Значит, точно сработает.

— Я, — кивнула она, — а вы не знаете, где Хайбо?

Приятель должен был ждать в хижине — поглядеть на нее в «камуфляже» и убедиться, что все получилось как надо.

Зофан вздохнул.

— Садись.

Кави моргнула.